

Brandner, Aleš

Всеобщие, философские грамматики в России

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2000, vol. 49, iss. A48, pp. [147]-154

ISBN 80-210-2350-3

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101655>

Access Date: 05. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

ВСЕОБЩИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ ГРАММАТИКИ В РОССИИ

Грамматический строй языка является исторической категорией и подчинен общим законам развития. На каждом этапе своей истории он достаточно совершен и служит выражению мыслей носителей языка, их общению (ср. РЯЭ 1997, 94).

Грамматика как наука изучает грамматический строй языка. Она имеет давние традиции. Истоки современной европейской грамматической мысли следует искать в трудах древнеиндийских филологов, а позднее в трудах древних греков. Эти традиции были продолжены европейскими филологами в эпохи Возрождения и Просвещения.

В России начинается во второй половине XVII в. формирование русского национального языка и укрепление его в литературе. Постепенно разрушается система двуязычия, происходит распад книжного церковно-славянского языка. Народно-разговорная речь сильно проникает в литературный язык и начинает занимать в нем ведущее место. Однако и старые, архаические элементы книжного языка еще не выходят из литературного употребления. Русский национальный язык выступает средством как устного, так и письменного общения. В литературном языке образовалась пестрота и неупорядоченность словарного состава и грамматического строя. Эти обстоятельства требовали создания его прочных норм, разработки и изучения грамматики. Иными словами, необходимо было произвести отбор речевых средств и их кодификацию, т. е. создать такую литературную норму, которая разрешила бы противоречие между потребностью в письменном языке и стремлением сблизить его с языком народно-разговорным. Эти задачи должны были решать филологические (нормативные) грамматики. В России первым образцом такой грамматики была *«Российская грамматика»* (1755) М. В. Ломоносова. Она стала трудом, положившим начало собственно науке о русском языке и кодифицировавшим литературный язык на основе синтеза русских и общепонятных церковнославянских элементов (ср. Березин 1977, 17–18). Она до недавнего времени считалась первой грамматикой русского языка. На самом

деле первой грамматикой, написанной на русском языке, числится «Грамматика ...» (1731) В. Е. Адогурова. Несколько десятков лет назад удалось профессору МГУ Б. А. Успенскому обнаружить ее рукописный фрагмент в фондах Библиотеки РАН. Ее можно считать первым опытом кодификации русской речи. Она, по-видимому, не была известной Ломоносову, и это обстоятельство в большей степени способствовало ее последующему забвению (ср. Успенский 1975).

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова стала основой и образцом для большинства грамматических руководств конца XVIII – первых десятилетий XIX в. Авторы этих грамматик, основанных на индуктивном методе, стремились выводить правила русского литературного языка непосредственно из фактов живого употребления. Поэтому предметом грамматического анализа служил как литературно-книжный язык, так и живая народная речь, включая элементы просторечия и отчасти диалектов. В основе грамматики лежало учение о частях речи как лексико-грамматических разрядах слов. Синтаксис рассматривался как учение о сочетании слов по принципу согласования и управления. Учение о предложении составляло предмет не грамматики, а риторики и логики.

В начале XIX в. наряду с ломоносовской грамматической традицией возникает другое направление, ведущее свое начало от всеобщей, философской грамматики Пор-Рояля («*Grammaire générale et raisonnée contenant les fondements de l'art de parler expliqués d'une manière claire et naturelle*» Port-Royal'a). Она вышла в 1660 г. (ср. Булич 1904, 549). Философская грамматика была связана с идеями французского философа, родоначальника рационализма Р. Декарта. Р. Декарт подчеркивал всеислие разума, считая, что именно в нем лежит критерий истины. Опираясь на идеи рационализма, теорию познания и методы научного анализа, выработанные картезианской философией, А. Арио и К. Лянсло предприняли попытку найти общие законы построения языка и создать универсальную грамматическую систему. Для этого они обратились к логике, так как ее законы едины для всего человечества. Теоретические принципы они изложили в книге «*Грамматика всеобщая и теоретико-критическая, содержащая основы искусства речи, которые изложены явным и простым языком; логические основы всего того, что есть общего между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные замечания по французскому языку*» (1660). Этот труд больше известен под названием «*Универсальная и рациональная грамматика*» или «*Грамматика Пор-Рояля*». Всеобщая грамматика стремилась на основе логических принципов раскрыть общие законы происхождения, строения и функционирования языков. Она строилась на базе логического определения сущности понятий, выражаемых в словах, и суждений, воплощаемых в предложениях. Авторы грамматики считают, что в языке все должно быть подчинено логике и целесообразности. Таким образом, задача рациональной грамматики заключается в том, чтобы определить законы, обеспечивающие изучение как отдельного языка, так и всех языков мира.

В соответствии с этим языки представляются как бы различными видоизменениями некоторой универсальной языковой схемы, совпадающей в своих основных чертах с логической схемой (ср. Березин 1979, 45–46).

В России философская грамматика стала известной во второй половине XVIII в. Но особенно широкое распространение она получила в начале XIX в. в связи с реформами Александра I в народном образовании. По уставу 1804 г. философская грамматика стала обязательным предметом изучения в гимназиях; вместе с логикой, психологией и нравоведением она составляла предмет философии. Реформа вызвала появление ряда учебных пособий. Это «*Всеобщая философская грамматика*» (1810) **Н. Языцкого**, «*Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных*» (1810) **И. Орнатовского**, «*Опытный способ к философскому познанию русского языка*» (1811) **И. Тимковского** и «*Начертание всеобщей грамматики*» (1812) **Л. Г. Якоба**.

В этих грамматиках язык рассматривается как рационально организованная система знаков, служащая для выражения и сообщения мысли. По замечанию Ф. М. Березина (1973, 20), здесь впервые в языкознании понятие языка выясняется через определение понятия знака вообще и его роли в умственной жизни человека. Авторы этих грамматик стремились выяснить общие принципы построения языка; они должны были отделить в нем более устойчивое от изменчивого, т. е. по сути дела провести определенное разграничение языка и речи. Обычно речь в их понимании – говорение, применение языка, а язык – необходимая для этого совокупность слов-знаков.

Философская грамматика рассматривалась как основание всех грамматик и всех языков. Поэтому в качестве законодательного начала брались логические категории и по ним измерялись грамматические формы русского языка. Предметом грамматического анализа служил только книжный, литературный язык (или язык т. наз. образцовых писателей). Естественно, что такая узкая фактическая база не давала возможности рассматривать литературный язык во всей его стилистической сложности. Основной и исходной единицей грамматики выступало предложение как словесное выражение суждения. Его состав рассматривался с позицией членов предложения, которое во многих случаях прямо не соотносилось с частями речи. На основе структуры суждения нередко строилось и учение о частях речи.

Наиболее последовательно проводились принципы философской грамматики в уже упомянутой работе Л. Г. Якоба. Книга была признана официальным учебником. Наряду с обычными положениями логической грамматики в ней содержалось много глубоких и интересных мыслей по общему языкознанию. Среди проблем общего языкознания Якоб прежде всего останавливается на понятии знака. В работе проводится с теоретической точки зрения важное разделение языка и речи. При помощи понятий, выражаемых речью, определяется Якобом теория частей речи. Особенности его синтаксической теории можно свести к двум моментам:

1/ построить классификацию предложений исходя из существующих отношений между двумя предложениями; 2/ создать классификацию предложений, построенную на учете модальности суждений.

Интересные синтаксические построения Якоба не привлекли внимания языковедов. Схемы философской грамматики были слишком далеки от живого русского языка. Поэтому в 1811 г. по разрешению министра народного просвещения был введен новый учебный план, по которому философская грамматика исключалась (вместе еще с рядом других дисциплин) из учебных предметов гимназии. Запрещение преподавания всеобщей грамматике имело не только педагогические, но также и политические причины. Изъятие философской грамматики в определенной степени явилось одним из следствий нового политического курса Александра I. Созданное в 1817 г. Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с князем Голицыным выступало прежде всего против прежнего либерализма и просветительных идей XVIII в. В то же время это означало явную победу старой практической грамматики, заданием которой было научить правильно говорить, читать и писать на материале литературной речи.

Однако традиция философских грамматик не исчезла бесследно. В 20–30-ые годы XIX в. стремление усвоить лучшие достижения философской грамматики и придать ей практическую направленность, т. е. приспособить к целям и задачам школьного преподавания, было особенно характерно для грамматических трудов Н. И. Греча. Греч не скрывал, что при написании грамматических трудов ему служили образцом немецкие и французские учебные пособия и методы. В своих многочисленных руководствах (особенно *«Практической русской грамматике»* и *«Пространной русской грамматике»* – 1827) он шел в русле всеобщей, философской грамматики, слегка приспособленной к специфике грамматического строя отдельного языка. В своих работах он дал подробное описание форм словоизменения, отчасти словообразования в русском языке, наиболее полно изложил синтаксис предложения. При этом Греч заложил основы учения о главных и второстепенных членах предложения и тем самым он одним из первых в России создал логико-семантическое понимание структуры предложения, которое в той или иной форме прошло через весь XIX век. Греч разделил простое и сложное предложение, главное и придаточное, выделил основные типы придаточных предложений, определил некоторые особенности порядка слов в русском языке.

Однако, несмотря на дальнейшую демократизацию литературного языка, фактическая база грамматических руководств Греча оказалась довольно узкой. Он полностью исключил народный язык из художественной литературы, опираясь преимущественно на язык Н. М. Карамзина, язык которого к тому времени воспринимался уже как устарелый. Притом известно, что произведения Карамзина не исчерпывали всех его морфологических и синтаксических форм. Поэтому многие явления языка, даже литературного, вообще не находили своего объяснения в грамматиках Греча.

В 30–50-ые гг. XIX в. предпринимаются неоднократные попытки обновить философскую грамматику с помощью системы К. Беккера, представленной в его работах *«Организм языка»* (1827) и *«Пространная немецкая грамматика»* (1829) и приспособить ее к новым условиям. Система Беккера оказала значительное влияние не только на теорию, но и на практику языкознания того времени, поскольку была принята в школьном преподавании языка. Как ученик В. Гумбольдта, он видел в языке построение взаимосвязанных элементов. Основу органического единства языка Беккер находил в логике. При этом он опирался на идеи универсальной грамматики XVII в., позиции которой были достаточно сильны даже в начале прошлого столетия. Беккер в своем исследовании стремился найти всеобщие законы языка (ср. Мурзин 1980, 14).

Влияние идей универсальной грамматики сказывалось не только в логических определениях языковых единиц, но и в способе описания фактов языка – скорее дедуктивном, чем индуктивном. Система К. Беккера выросла на почве предшествующих философских грамматик и философии Ф. Шеллинга. В основу своей системы, изложенной в работе *«Организм языка»*, Беккер положил логическое начало и соединил грамматику и философию языка с логикой. Беккер далее привнес и развил в языкознании заимствованную у Гумбольдта идею организма языка. Под организмом он понимал, конечно, не биологический организм, а организм как гармонию полярных противопоставлений, т. е. под организмом он понимал язык как систему, основанную на единстве противоположностей. Беккер старался ввести понятие организма в грамматику, и это сделало его имя весьма популярным в западноевропейской лингвистике XIX в. и поставило в один ряд с именами В. Гумбольдта, Ф. Боппа и Я. Гримма (ср. Березин 1979, 58).

Уже до Беккера все философские грамматики исходили из того, что в основе каждого языка лежит одна и та же система логических категорий, что грамматика и логика – это две стороны одной медали: грамматика изучает слова, логика – мысли. К. Беккер довел до крайности этот взгляд на соотношение грамматики и логики. Он не только все формы языка пытался объяснить логическими категориями, но даже корни слов и их постепенное разветвление в языке выводил из основных логических понятий и их постепенного развития в мышлении.

Появление уже первых работ К. Беккера было всюду встречено очень положительно. Однако его триумф продолжался недолго, до тех пор пока не стали в область синтаксиса проникать идеи сравнительно-исторического языкознания.

Система К. Беккера была изложена во многих работах русских грамматистов уже в первой половине XIX в. Особенно много для распространения его идей сделал П. Е. Басистов. На основе *«Пространной немецкой грамматики»*, в которой были изложены основы грамматических взглядов К. Беккера, он составил *«Систему синтаксиса»* (1848). Басистов рассматривает синтаксис как науку, объясняющую грамматические формы слов и предложений. Он признает, что существуют два метода изучения грамма-

тических форм: теоретический и практический. Первый метод начинает с отношений понятий и мыслей и от них переходит к грамматическим формам, второй – начинает с форм и посредством наблюдений доходит до их значения. Практический метод хорош тем, что ограничивается только явлениями, действительно принадлежащими изучаемому языку, хотя и может потеряться в разнообразии этих явлений. Теоретический метод может упустить из виду многие факты живого языка, но зато своей строгой последовательностью и полнотой дает ключ к их объяснению. Сознывая, что для полного знания языка необходимо соединение обоих методов, автор предпочитает логическое объяснение языка.

По системе К. Беккера в 40–50-ые гг. было составлено несколько учебных пособий, специально посвященных синтаксису русского языка. Это «Начальные основания русского синтаксиса» (1845) А. Студитского, «Начертание русского синтаксиса» (1847) П. Перевлесского, «Учебник русского языка, год третий» (1854) А. Смирнова, «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854) И. И. Давыдова и др. Для всех этих грамматик были характерны следующие особенности:

Основной единицей мышления в них признается суждение, к которому в языке соответствует предложение. Необходимые составные части суждения – субъект и предикат. В грамматике подлежащее и сказуемое также составляют ядро всякого предложения. Все другие члены предложения служат лишь для их пояснения. Каждому из членов предложения соответствует определенная часть речи.

Такая теоретическая основа привела во многих случаях к изменению структуры грамматических руководств. Теперь в учебных пособиях сначала стали рассматриваться логические основы языка, состав предложения, а затем способы выражения членов предложения, значение и изменение частей речи (ср. Смирнов 1851, 17).

В целом философская грамматика представляла собой довольно стройное и по-своему последовательное описание языка с логико-семантической точки зрения. В теоретическом отношении она внесла много нового в понимание системы языка, ввела ряд новых терминов и понятий. В педагогическом отношении оказалась слабее прежней филологической грамматики, так как, идя от высшего к низшему, от трудного к простому, не учитывала возрастных особенностей учащихся и не соответствовала практической направленности в обучении родному языку. Кроме того, значение любого направления в науке определяется тем, насколько оно соответствует основному пути ее развития. В то же время господствующим становилось сравнительно-историческое изучение языков, в основе которого лежали исторический подход к языковым фактам, индуктивный метод, внимание к национальным и социально-территориальным языковым формам (ср. Березин 1979, 58–61).

С другой стороны, филологическая грамматика, не имея своей достаточно строгой теории, или должна была скатиться на путь простого эмпиризма, или могла развиваться дальше и дать лингвистические определения

основных грамматических понятий и тем самым создать себе прочные теоретические основы. Однако она обратилась к слову и к предложению, не нашла иного пути, как использовать те логико-семантические определения, которые уже были выработаны философской грамматикой. Вследствие этого синтаксис как учение о словосочетании в 30–40-ые гг. прошлого века постепенно вытесняется учением о предложении и его членах. Такой путь привел русскую грамматику к ряду противоречий, которые пришлось решать русскому языкознанию в течение следующих десятилетий.

История филологических и философских грамматик в России представляла собой сопротивление и взаимопроникновение двух принципов исследования – дедуктивного и индуктивного.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕРЕЗИН, Ф. М.: *История русского языкознания*. Москва, «Высшая школа», 1979.
- БЕРЕЗИН, Ф. М.: *Хрестоматия по истории русского языкознания*. Москва, «Высшая школа», 1973.
- БЕРЕЗИН, Ф. М.: *Хрестоматия по истории русского языкознания*. Изд. 2-ое, исправленное. Москва, «Высшая школа», 1977.
- БУЛАХОВ, М. Г.: *Восточнославянские языковеды*. Библиографический словарь, т. 1. Минск, Изд-во Белорусского государственного университета им. Ленина, 1976.
- БУЛИЧ, С. К.: *Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII – 1825 г.)*. Санкт-Петербург, 1904.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *История русских лингвистических учений*. Москва, «Наука», 1978.
- ГРЕЧ, Н. И.: *Практическая русская грамматика*. Второе издание, исправленное. Санкт-Петербург, 1834.
- ГРЕЧ, Н. И.: *Пространная русская грамматика*. Издание второе, исправленное. Санкт-Петербург, 1830.
- ДАВЫДОВ, И. И.: *Опыт общесравнительной грамматики русского языка*. Москва, 1854.
- ЛОМОНОСОВ, М. В.: *Российская грамматика*. Санкт-Петербург, 1755.
- МУЗЫН, Л. Н.: *Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов (русское языкознание конца XVIII – начала XX в.)*. Пермь, Пермский государственный университет им. Горького, 1980.
- ОРНАТОВСКИЙ, И.: *Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных*. Харьков, 1810.
- ПЕРЕВЛЕСКИЙ, П.: *Учебник русского языка, год третий*. Москва, 1854.
- РЯЭ = *Русский язык. Энциклопедия*. Под ред. Ю. Н. Караулова. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Москва, «Большая Российская энциклопедия», 1997.
- СМИРНОВ, А.: *Учебник русского языка, год первый*. Москва, 1851.
- ТИМКОВСКИЙ, И. Ф.: *Опытный способ к философическому познанию российского языка*. Харьков, 1811.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А.: *Первая русская грамматика на родном языке (даломоносовский период отечественной русистики)*. Москва, «Наука», 1975.
- ЯЗВИЦКИЙ, Н.: *Всеобщая философическая грамматика*. Санкт-Петербург, 1810.
- ЯКОБ, Л. Г.: *Курс философии для гимназий Российской империи*. Часть первая, содержащая *Начертания всеобщей логики для Российской империи*. Главное правление училищ, Санкт-Петербург, 1811.
- ЯКОБ, Л. Г.: *Начертания всеобщей грамматики*. Санкт-Петербург, 1812.
- ASHWORTH, E. J.: *Language and Logic in the Postmedieval Period*. Dordrecht, D. Reidel Publ. Co. 1974.

BECKER, K. F.: *Organismus der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik*. Frankfurt-am-Main 1827.

SMIRNKOV, S. I.: *Краткий очерк истории русского языкознания*. Skriptum. Za redakce J. Moravce. SPN, Praha 1978.

OБECNÉ, FILOZOFICKÉ GRAMATIKY V RUSKU

Na přelomu 18. a 19. stol. se v gramatických dílech ruských jazykovědců odrazily myšlenky obecné (filozofické) gramatiky, které upoutaly v 18. stol. západoevropské lingvisty. V Rusku získala filozofická gramatika oficiální uznání počátkem 19. stol. Obecná gramatika byla tehdy vedle logiky, psychologie a etiky zařazena na gymnáziích do okruhu filozofických disciplín. Její zavedení bylo ovlivněno tím, že počátkem 19. stol. přicházelo do Ruska mnoho profesorů z Německa; mezi nimi bylo mnoho filozofů.

Z mnoha filozofických gramatik, které se objevily počátkem 19. stol. v Rusku, nutno připomenout především práci L. H. Jakoba (1759–1827). Autor v ní důsledně zachovává zásady filozofické gramatiky. Kniha byla prohlášena za oficiální učebnici. Avšak na školách nezakotvila filozofická gramatika nadlouho. Už v r. 1811 na základě ministerského rozhodnutí byl zaveden nový studijní plán. V něm byla filozofická gramatika stažena z programu vyučovacích předmětů. Toto opatření mělo především politické důvody: vyučování obecné gramatiky mělo totiž spojitost se šířením osvícenských ideí 18. stol.

Myšlenky obecné gramatiky však nezmizely beze stop. Ve 20.–30. letech 19. stol. bylo znovu navázáno na její tradice. Další takto zaměřené mluvnice se objevily ve 40.–50. letech 19. stol.; vycházely z díla německého filologa K. F. Beckera.

Aleš Brandner
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
660 88 Brno